

ПОВЕСТЬ

О ЗОЛОТОМ ГОСУДАРЕ

Юлия Латынина

Вейская империя

Юлия Латынина

Повесть о Золотом Государе

«ЭКСМО»

1996

Латынина Ю. Л.

Повесть о Золотом Государе / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
1996 — (Вейская империя)

Фантастическая повесть из цикла Вейская империя, написанная с использованием стилистики западноевропейских средневековых хроник, китайского средневекового романа и при этом имеющий сходство событий (по мнению многих критиков) с российскими историческими событиями. Хронологически повесть идет первой в цикле Вейская империя и структурно входит в роман Сто полей, написанный в том же году.

© Латынина Ю. Л., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Латынина

Повесть о Золотом Государе

Часть первая

Когда умер основатель династии Амар, наследник по наущению других распорядился: слуг и женщин из дворца не прогонять, захоронить вместе с покойным. Сделали в Яшмовой Горе дворец, оставили там государя и свиту. Мастеров тоже замуровали. Вскоре столицу перенесли, Варнараин стал провинцией, а наследник запретил варварский язык и прическу, возродил законы Иршахчана и принял его имя.

Через год, однако, наместнику Варнарайна доложили: на рынках торгуют вещами из государевой усыпальницы. Схватили одного человека, другого. Те, как по волшебству, исчезли. В народе стали поговаривать недоброе.

Однажды арестовали человека, продававшего яшмовое ожерелье. Наместник лично распорядился привести негодяя для допроса в сад под дуб. Взглянул – и обомлел: вылитый покойный император. Наместник помолчал и сказал:

– Не было случая, чтоб боги торговали на рынке.

И велел принести тиски. Принесли тиски, зажали, – преступник улыбнулся, а наместник закричал от боли.

– Э, – сказал покойник, – ты меня не узнал, а ведь раньше в одной палатке спали! Скоро встретимся.

Арестованный встряхнулся, обломил с дуба ветку, та превратилась в меч. Взмахнул мечом – сделалось темно, запрыгали голубые молнии, листья посыпались вниз. Арестант исчез. Присутствующие очнулись, смотрят: на всех дубовых листьях мечом вырезано государево имя.

Наместник велел выпустить всех, задержанных по подозрению в осквернении могилы. Понял, что это слуги и наложницы государя. Много молился. Впрочем, некоторые не верили всей этой чертовщине и считали, что все это были проделки обыкновенного колдуна.

Вскоре новый государь под каким-то предлогом отозвал наместника в столицу и казнил. Потом покончил с родом. Потом заменил всех варваров, пришедших с отцом, справедливыми чиновниками. Потом рынки запретили, и покойники больше не торговали.

Из этой истории следует, что усопшие государи могут вернуться на землю в неподобающем облике и даже иногда принуждены продавать свое имущество скупщикам краденого. Рассказываю я это к тому, что в народе много странного болтали о Рехетте и Даттаме, и даже поговаривали, что в их-де облике на землю возвратились древние государи. На священных треножниках высечено: «Народ всегда прав».

О, не сомнительно ли это?

* * *

В 2167 году царствования государя Иршахчана в провинции Варнараин объявился кафтан. Никто не знал, что такое, а только по вечерам сядут во дворе чай пить: влетит, руками машет, лепешки ворует. Народ волновался и ругал из-за этого государя. Начальство приказало произвести расследование: слухи о кафтане прекратились совершенно.

Одна женщина из цеха оружейников, однако, проснулась ночью, чувствует: она в кафтане. Тот копошится так рукавами, старается. Женщина потихоньку схватила со стола булавку и воткнула ее в обшлаг. Кафтан вспискнул и пропал. На следующее утро пошла искать: у камня

для стирки белья лежит непонятно что: не то еж, не то ихневмон, иголка в боку, глаза золотые, мертвые.

Через девять месяцев у женщины родился мальчик. Назвали Даттамом. Мальчик рос здоровым, очень умным. Хорошо дрался. Мать его, однако, боялась: глаза у него были совсем как у ихневмона, золотые и мертвые.

Тогда еще люди из цехов жили только в казенных шестидворках: шесть домов, седьмой сад. Заработки на стороне имели редко. Ворота между кварталами ночью закрывались, так что мальчишки меж собой по ночам не дрались. Каждый сезон государь дарил цеху двух баранов.

Оружейников в Анхеле, столице провинции, боялись, как людей пришлых и колдунов. К тому же считают, что колдун должен держать своих, так сказать «маленьких человечков», всегда занятыми, а то они начнут безобразничать. А у оружейников «маленькие человечки» остались без работы.

При начале династии община оружейников жила в Голубых Горах, у рудников. Когда приемный сын государя Иршахчана, государь Меенун, искоренил войско, цеху запретили делать мечи и копья. Чтобы удобней было соблюдать запрет, общину перевели в столицу провинции, Анхель. Однако не распустили, чтоб не оставить народ без работы. Потом испортились сами рудники: не иссякли, а именно кто-то навел порчу на людей, и люди стали непочтительны к правительству. Справились по книгам и узнали, что такая порча была уже в конце прошлой династии: горнорабочие мерли в шахтах, а потом мертвецы ночью душили чиновников, а живые кричали: «Нету правды, как ног у змеи.» – восстали и дошли с варварами до столицы. Государь Иршахчан, впрочем, впоследствии казнил рудознатца Шехеда по делу «о серебре и яшме.»

Поэтому, когда в 2103 царствования государя Иршахчана неглубокие выработки кончились, из столицы распорядились: переселить людей на равнину, возвести между Орхом и Дивом дамбы и обучить рисоводству. Выделили ссуды и семена, предписали чиновникам наблюдать за посевами и церемониями.

Когда переселялись, начальнику округа попался человек верхом на лошади, половина золотая, половина – пепел, и не уступил чиновникам дорогу. На него набросились с бранью, он вскричал:

– Эгей!

Чиновники узнали Ишевика, Золотого Государя, который правил Варнарайном пятьсот лет назад, когда ойкумена простиралась за моря. Золотой Государь указал на пепельную половину и молвил:

– После смерти я был пожалован на должность бога-хранителя Варнарайна. Теперь, после завоевания, провинция распалась на две части. И пока Верхний Варнарайн и Нижний Варнарайн будут раздельно, у всех моих подчиненных будет скверный характер. И горные боги будут людям вредить, и речные.

Начальник округа протер глаза, смотрит – посреди торной дороги вырос трехсотлетний ясень, одна половина зеленая, другая засохла...

Как и обещал бог-хранитель, из переселения рудокопов проку не вышло. Каждый год плотины приходилось обновлять: подмоет и снесет, подмоет и снесет, гибли и люди, и скот. Говорили, что это от казнокрадства на строительстве.

* * *

А цеху оружейников стали поставлять сырье из соседней провинции. Утвердили новые образцы и расценки: тот теперь занимался тонкой работой для храмов и управ.

В городе была шайка скобяных торговцев, портили цену, промышленляли схожим товаром, продавали его по цене ниже справедливой. Никак не могли вывести их на чистую воду – те давали большие взятки городскому судье. Рехетта, староста цеха, от этого ужасно горевал.

Городской судья, человек легкомысленный, однажды на казенном празднике стал смеяться над старостой цеха Рехеттой.

– Говорят, вы колдун. Покажите свое умение.

Тот, сорвав листок с грецкого ореха, протянул оный судье. Судья поглядел, – а это не листок, а список всей воровской шайки, на разноцветной бумаге, с золотой кистью.

– Ну и что, – говорит судья, – эти имена даже мне известны... При чем тут колдовство? И порвал список.

Ночью судья умер. Прибежали бесы, выволокли душу серебряным крюком, подхватили под мышки и швырнули перед Парчовым Старцем. Парчовый Старец произвел дознание: все взятки до гроша подсчитали. Развели большой костер, стали лить золото прямо в глотку. Сначала сожгли рот, потом стало вариться в животе. Раньше чиновник радовался, если получал не бумажными деньгами, а золотом – а теперь так скорбел!

Вдруг вбегает порученец.

– Вы кого взяли, – кричит, – Судья, да не тот! Опять этот Рехетта подкупил приказных, чтобы напутали в списках!

Судью прогнали, утром он ожил. Встает: а сожженный список лежит на столе. Судья испугался, дал делу ход: преступники все отправились в каменоломни. С тех пор оружейников-кузнецов в городе еще больше боялись, а те, кто покупал у злоумышленников дешевый товар, их прямо-таки возненавидели.

Многие смеются над суевериями. Думается, однако – если не знамения и не приметы, что ограничивало бы произвол иных чиновников и даже, увы, Того, кто выше?

* * *

Даттам рос мальчиком сообразительным. Вышел императорский указ о том, чтоб заводить при городских управах часы, чиновники стали тоже заказывать себе часы. Вот Даттам и сделал баловство: часы размером с голубиное яйцо. Посмеялись. Потому что время вещь общая, как язык или земля, зачем она одному человеку? Цех подарил часы своему епарху.

Даттам был племянником Рехетты, старосты цеха и сына Небесного Кузнеца. Как известно, существует два рода колдунов – черные и белые. Белые колдуны – те, что значатся в государственных списках, а черные – те, что не значатся. Ремесло кузнеца тысячи лет окружено тайной, и Рехетта, староста цеха, значился белым кузнецом.

Для чего это делалось? А вот для чего: когда в управах составляют справедливые цены, исходят из количества труда, нужного для изготовления вещи. При этом в графу «труд священнодействия» смело ставят любую цифру, и поэтому ремесла, связанные с колдовством, не в пример выгоднее прочим. Однажды, говорят, даже столичные золотари сложились на взятку городскому чиновнику, чтобы тот разрешил завести им колдуна, но тут уж чиновник осерчал и воскликнул: «Не раньше, чем ваш колдун превратит при мне дерьмо в соловья, и не меньше, чем за двести тысяч!»

Когда Даттаму исполнилось пятнадцать лет, Рехетта повез его в горы, в заброшенный храм Небесного Кузнеца. Крыша обвалилась, поросла травой, смотришь вверх, как из могилы. А на стенах роспись: колонны, залы, Золотой Государь, волосы девушек полны жемчугами и бирюзой.

Ночью Рехетта разбудил Даттама. Было темно, хоть глаз выколи. Рехетта вырезал из бумаги кружок, прилепил к руке: оказалась луна. Вскоре дошли до Яшмовой Горы: двери распахнуты, кругом нефритовые колонны, жемчужные пологи... их уже ждали.

– Вот, – сказал Рехетта, – привел.

Золотой Государь Ишевик взял Даттама за подбородок, засмеялся:

– Не зря я с твоей матерью грешил!

И надел на шею печатку со своим ликом. Воротились только к утру, легли спать. Утром Даттам проснулся: глядь, у него на шее золотой ишевик на шелковом шнурке. Даттам показал ишевик дяде. Тот раскричался:

– Что за чушь? Никуда я тебя не водил, и вообще тебе все приснилось! Не для того мы, щенок, сюда приехали!

«Золотые государи» тогда были вещью запретной. Во-первых, золото в частных руках, во-вторых, императорский лик на деньгах – как можно?

На следующее утро Даттам узнал, для чего они явились в горы.

Дядя велел оседлать лошадей, взял Даттама и еще двоих человек из столицы, и поехал к заброшенным штольням. Один человек служил при императорских конюшнях, другой – при печатном цехе. Надо сказать, что тогда лошади были только у государства. Однако чиновники, по нерадивости, если надо было подковать лошадь, оставляли ее в кузнечном цехе на много дней, и Даттам, как и другие мальчишки, умел на них ездить.

Даттам был в цехе приучен к порядку и бережливости, все вокруг ему очень не понравилось. Земля жирная, а пропадает втуне. Деревья растут совершенно вразброд: не Садом, а Лесом. Камни тоже сложены неправильно: не Город, а Гора. Гора, правда, служит водонапорной башней, но реки бездельничают, без плотин...

Приехали к заброшенным шахтам, скормили духам лепешку и сами полезли вниз. Навстречу – летучие мыши.

Рехетта сказал:

– А ведь это, наверное, как раз те горные чиновники, которых по приказу государя Аттаха сюда сбросили.

Гость возразил:

– Души умерших чиновников не летают, а ползают. Стелются в штольнях по дну, и убьют, только если станешь на колени или открытым огнем ткнешь.

В царстве мертвых ходили весь день. Человек из императорских конюшен оказался куда как знаком с горным ремеслом. Тыкал пальцем: «гнезда», «складки», «кровавик». Говорил, что горы умеют зачинать и рожать так же, как поля и люди. Даттам смотрел во все глаза: он ведь раньше имел дело только со взрослым металлом, а теперь, так сказать, ходил у железа в материнской утробе. Наконец человек из императорских конюшен сказал:

– Не стоит нам добывать здесь железо, потому что все сливки съедены.

– А проложить новые штольни? – спросил товарищ.

– А тут нужны такие взятки, что, как говорится, отдашь масло, получишь сыворотку.

Задумался и добавил:

– К тому же глубокие штольни зальет водой.

– Воду можно откачать, – сказал маленький Даттам.

Конюший посмотрел на него и засмеялся:

– Еще нет такой машины, чтобы откачивала воду в столь глубоких штольнях.

На обратном пути Даттам думал, почему такой машины нет и нельзя ли ее построить. А человек из конюшен, Арравет, очень много рассказывал о Верхнем Варнарайне, который варвары захватили двести лет назад.

– Вот там, – говорил, – рудники должны быть очень плодородные. Во-первых, варвары их забросили, а во-вторых, руда от крови жиреет. А варвары, страшно сказать, сколько людей перебили.

– Да, – сказал Рехетта, – О варварах неизвестно, существуют они или нет, но слухи о них ходят омерзительные.

Теперь надо сказать, что Рехетта был в глубине души рад, что грязная затея с заброшенными рудниками провалилась. Предполагалось, что человек из конюшен, имевший много неопознанных денег, займется добычей руды; цех в Анхеле будет изготавливать черный товар, а

сбыт товара в столице конюший тоже брал на себя. Что касается рабочей силы для рудников, то конюший собирался организовать там исправительное поселение, так как этот род работников особенно бесправен и сам свой труд не считает. Люди в цехе все время хотели денег от нечистой работы, а грех на душу приходилось брать Рехетте.

* * *

Пятнадцати лет от роду Даттам уехал в Небесный Город и поступил в лицей Белого Бужвы.

В этом, семьдесят втором году, государь Неевик отдал своему сыну Падашне в экзархат провинцию Варнарайн. Люди рассудительные предостерегали государя, что Падашна-де глуп и неспособен. Один чиновник подал доклад, в котором писал «Иршахчан усыновил Неевика, Неевик усыновил Миена. Власть-де наследуют достойные, а не сыновья». «Что же сын мой – недостойн власти?» – молвил государь, и чиновника побили тушечницами.

В провинции Иниссе был мор, а над Голубыми Горами видели в небе девятиглавого барсука.

В столице, однако, чудес не происходило. Император послушался недобросовестных советчиков и в Государев День окончательно провозгласил сына наследником.

В честь назначения устроили праздник. Государь отдал приказ расцвести деревьям и птицам вить брачные гнезда. Птицы и деревья повиновались, так как была весна. По улицам пустили бегать богов в диковинных масках, а над яшмовыми прудами выстроили карусель в виде Золотого Дерева, – на ветвях дерева катали народ.

Даттам тоже пошел покататься на карусели. Залез на самый верх, оглянулся... Красота! Звенят-шелестят бронзовые листья, щебечут серебряные птицы, ветви кружатся, и народу с высоты видно все: и небо, и землю, и небесный дворец под серебряной сеткой... Вдруг раздался сильный треск; в механизме что-то заело, дернуло, – перильца пошли ломаться: люди сыпались в воду. Впоследствии обнаружилось, что чиновники, ведавшие праздничным зодчеством, съели, что называется, слишком много.

День был теплый, Даттам плавал хорошо, видит, рядом бьется и тонет юноша. Даттам выволок его на берег, стал расстегивать студенческое платье: так худ, что просто жалко, ногти желтые, изъеденные, а глаза – глаза тоже золотые! – и на влажном лбу – кровь. Даттам совсем испугался, но тут сверху кто-то говорит:

– Не бойтесь, кровь у него от волнения...

Даттам поднял глаза на говорившего. Почти ровесник; в чертах лица дышит благородство, брови – оправа, глаза – жемчужины, так и ловят мысль собеседника. Строен, мягок в обращении, скромное чиновничье платье, обшлага с серебряной нитью, – дворцовый, значит, чиновник.

– Харсома. А это товарищ мой, Арфарра. Пойдемте отсюда быстрее, а то сейчас будут переписывать злоумышлявших на эту бесову карусель...

Харсома привел обоих обсушиться и обогреться в веселое заведение. Им подали верченого гуся, пирожки, вино, печенье в серебряной плетенке. Девушки ходили, подкидывая ножками подола. Арфарра, впрочем, от вина и мяса отказался. Даттам заметил, что у Харсомы денег не по платью много. Ели, пили, сожалели о дурном предзнаменовании: всем было ясно, что без казнокрадства тут не обошлось.

– А вы что скажете, – поинтересовался у Даттама новый знакомый, Харсома.

Даттам взял салфетку и попросил тушечницу, – насилу нашли таковую в этом заведении, начертил на салфетке чертеж и сказал:

– Золотое дерево, – это просто большая игрушка, которая вертится с помощью тросиков и коленчатых валов. В позапрошлом году у карусели размер ветвей был десять шагов, а диаметр ствола – шесть.

Не знаю, много ли в этот раз украли, но думаю, что истинная причина крылась в самой конструкции. Со времени восшествия на престол государя Меенуна каждый год делают дерево выше на одну мерку и шире на одну мерку. Из-за этого нарушились пропорции, и механизм, вращающий ветви, оказался слишком слаб. И мне жалко будет, если все дело сегодня кончится тем, что найдут проворовавшихся чиновников, и не обратят внимание на недостатки конструкции.

– Вы смотрели чертежи старых деревьев? – заинтересовался Арфарра.

Даттам кивнул и начал новый чертеж, и тут эти двое сели друг к дружке и стали толковать, отставив еду и девушек, так что хозяйка заведения даже обиделась: ну, в самом деле, разве люди приходят в ее заведение потолковать о шатунах и кривошипах?. А третий юноша, Харсома, сидел рядом и потягивал через соломинку вино, и так зевал, что Арфарра с упреком воскликнул:

– Харсома, да вы хоть понимаете, о чем мы говорим?

– Вполне понимаю, – сказал Харсома, – вы говорите, что для того, чтобы предотвратить подобные происшествия, нужно бороться не с казнокрадством чиновников, а с коренными недостатками самого механизма.

Даттам с опаской на него посмотрел, а Харсома улыбнулся и продолжал:

– А знаете ли, господин Даттам, почему при первой династии Золотое Дерево было таким низким?

Даттам не знал, и Харсома объяснил:

– Дело в том, что при первой династии Государев День справляли по-другому. В деревне выбирали людей, и те съезжались в столицу для обсуждения действий властей. Эти же люди привозили деньги, добровольно собранные народом для праздника, и хотя народ наш щедр, выстроенное на добровольные взносы Дерево было слишком мало, чтобы упасть под собственной тяжестью.

Тут одна из девушек села Арфарре на колени, запрокинула головку и хихикнула:

– Не тронь, – укушу.

Харсома посмотрел на девушку, усмехнулся и добавил:

– Так выпьем же за государя Миена, который из скромности отменил обычай, дабы не отягощать народ лишними тратами.

Арфарра процедил сквозь зубы:

– Правильно сделал государь Миен. Они зачем съезжались – жаловаться... Жаловаться и сейчас можно, доносные ящики на каждом шагу... Народ должен не жаловаться, а принимать законы...

И спихнул девицу с колен. Парень рядом обиделся:

– Слушай, костяная ножка, ты колдун или «розовенький»? Ты чего казенную девушку обижаешь? Вот я сейчас стражу кликну!

Парень, конечно, хотел их напугать. Все закричали, поднялась свалка. Арфарра брезгливо усмехнулся, говорит Даттаму: держись за меня. Махнул рукавом – из печенья полез белый дым, лавка взлетела под потолок...

Даттам очнулся, – над ним небо в серебряную сетку, на деревьях – золотые яблоки, – небесный дворец!

Спутник, Харсома, сказал Арфарре с досадой:

– И для таких-то фокусов я вас пускаю к тайным книгам!

* * *

Даттам часто встречался с новыми друзьями. Харсома был троюродный племянник вдовствующей государыни, инспектор по налогам. Как описать? Незлобив, незаметен.... Совершенный чиновник подобен истине: нельзя говорить об истине, но лишь благодаря истине возможна речь.

Арфарра был сыном мелкого сельского чиновника, и после экзаменов хотел стать монахом в храме Шакуника.

Монахи-шакуники тогда не могли рассчитывать на карьеру при дворе. Шакуник пришел в империю вместе с варварами, и при государе Амаре знатные люди переполнили храм деньгами и землями, взятыми со всей ойкумены. Когда государь Иршахчан возобновил древние законы и вернул захваченные земли народу, отменив «твое» и «мое», храм был, увы, на стороне тех, кто проявил непочтительность к государю. Государь указал, что храмовые земли принадлежат ему, как воплощению Шакуника, разорил храмовые мастерские и пощадил только сокровищницу.

– А чем занимаются монахи сейчас? – спросил как-то Даттам.

– Осмыслиют сущее и существующее, – ответил Арфарра.

А Харсома прибавил:

– Деньги дают в рост.

Увы! И сказать постыдно, и умолчать нельзя. Казалось бы: уничтожили в империи торговцев, отменили корыстолюбие, ни один частный человек не смеет завести себе мастерскую. И что же? Иные храмы обратили сокровищницы в ссудные кассы, стали вести себя хуже торговцев. Даже те впадают в соблазн, которым вера предписывает презирать мирское. А Шакуник – варварский бог, бог грабежа и богатства. Монахи говорят: Шакуник предшествует субъекту и объекту, действию и состоянию, различает вещи друг от друга, придает им смысл и форму, и нет в мире ничего, что было бы чуждо ему – золото, серебро, камни... И копят, и приумножают, а золото – проклятая вещь: сколько ни съешь, все мало. А Арфарра всего этого тогда не замечал.

* * *

Государь Иршахчан, как известно, поощрял изобретателей, особенно искателей золота и вечности. Бесчестные люди, однако, наживались на страсти Основателя, толпами стекались в столицу. При испытаниях все шло хорошо: и золото из меди вываривалось, и новые водоотливные колеса вертелись...

Однако если общиннику будет в два раза легче поливать, разве он станет в два раза больше сеять? Нет, он будет в два раза меньше работать.

И вот, когда последние проявления непочтительности были истреблены, инспектор Шайшорда подал доклад. «Нынче в государстве мир, механизмы же рождаются от войны и корысти отдельных лиц, а рожают народную леность...». В результате доклада государь изволил запретить недобросовестные изобретения.

После этого некоторые книги попали в государеву сокровищницу, как и все редкостное. Однако Даттам и Арфарра, по ходатайству Харсомы, имели доступ в Небесный Сад. Ходили туда каждый день: книги – плод проклятый: сколько ни ешь – все голоден.

Трое друзей были совершенно неразлучны. Ели вместе, спали вместе, вместе ходили в веселые переулки. Даттаму как-то раз понравилась барышня Харсомы, тот немедленно уступил

ему барышню, и еще два месяца платил за домик, где она жила. Вообще у Харсомы денег было удивительно много, гораздо больше, чем полагалось дальнему родственнику императора.

* * *

Как-то Харсома показал Даттаму бумагу о делах, творящихся в Варнарайне. Сообщалось, что некто Хариз, доверенное лицо наследника, даром велел цеху кузнецов отделать его новый загородный дворец, угрожая в противном случае снизить расценки и довести цех до полной нищеты. А спустя два месяца тот же Хариз подал заявление о том, что-де баржа, груженная светильниками для столицы, утопла. Кузнецам из-за этого не выплатили денег за светильники, а между тем светильники и не думали утопать, – они были тайно выгружены в одном из помещений наследника, а баржу затопили пустую, чтобы скрыть казнокрадство. Назывались также имена девиц, которых Хариз держал у себе на подушке, страшая их арестом семьи.

Даттам изумился:

– Как это к тебе попало?

Харсома махнул рукой:

– На жалобном столбе висело... Это правда, что тут написано?

– Да откуда же я знаю? – изумился Даттам, – хоть писал-то кто?

– Да дядя твой, голова твоя соленая! Что он за человек? Это правда, что он поссорился с Харизом из-за взятки? Сам – умелец все пять пальцев в масле держать... Что это за история с ушками треножника?

Но Даттам об ушках треножника ничего не знал.

Его интересовали лишь механизмы – числа, обросшие плотью. Любил он их за то, что, если что-то не так, – можно было разобрать на части и переложить по-правильному. А мир механизмом не был, и потому Даттама не занимал. Черна ли, бела ли душа правителя – Даттаму, увы, было все равно. Он думал так: черной ли, белой краской выкрашу я модель, – разве изменит это свойства и связи?

– Да не знаю я ничего, – пробормотал Даттам.

– Ну, – сказал с досадой Харсома, – ты, Датти, право, не человек, а канарейка, – если тебя не кормить, так с голоду у корма умрешь! Это правда хоть, что дядя твой очень влиятелен среди черни? Чуть ли, говорят, не пророк?

– Да что такое пророк?

– Если человек лжет другим, а сам про себя все знает, его называют обманщиком, – пояснил Харсома, – а если он лжет другим и верит в свою ложь сам, его называют пророком.

Даттам после этого останавливался у жалобных столбов доклада нигде не видел.

* * *

Даттам сделал механический гравировальный станок и по рекомендации Харсомы принес его одному человеку. Это оказался тот самый императорский конюший Арравет, который вместе с Рехеттой лазил по заброшенным шахтам.

Арравет обрадовался.

Конюший Арравет тоже был в некотором роде колдуном: дом, где он жил, в земляном кадастре значился частью государева парка. А приглядишься: высятся стены там, где по описи пустошь для выездки лошадей, резные перила соткнутся над призрачным озером... и я так скажу: если всякая магия, помимо казенных чародеев, черная, то и это черная магия.

Арравета называли одним из самых богатых людей империи. Однажды поймали вора, который показал, что унес у Арравета двадцать тысяч. Арравет, конечно, отперся: «Я – мел-

кий чиновник, откуда у меня такие деньги?» Наутро вора нашли в городской тюрьме задыхавшимся.

Арравет стал печатать на станке ходовой товар, – городские истории и непристойные картинки, причем прямо приспособил под это официальный цех.

О том, что количество труда в гравюре теперь уменьшилось, не доложили, справедливую цену нарушили, деньги разделили между сообщниками, – разве может все это хорошо кончиться?

Харсома, увидев картинки, расхохотался, и тут же закричал Даттаму, что пойдет в веселый дом и не успокоится, пока не перепробует каждой позиции. Арравет дал Даттаму и Харсоме целую кучу денег, да-да, прямо-таки мешок. Даттам поблагодарил Харсому и сказал:

– Сдается мне, что если бы не ты, я бы ни гроша не получил от такого человека, как Арравет.

* * *

Записные книжки Даттама в это время были наполнены рисунками и чертежами. В них были военные повозки с приделанными к ним мельничными крыльями, движимыми ветром, и с хитроумной системой трансмиссии к колесам; была лодка, в которой весла были заменены пропеллером, вращаемым двумя лодочниками, мосты, в которых настил покоился не на сваях, а плавал на бурдюках с воздухом, – Даттам услышал, что варвары переправлялись через реки на мехах, и попытался рассчитать количество воздуха и выдерживаемый им вес; было изображение вечного двигателя со ртутью в семи подвешенных к колесу мешочках – этот двигатель Даттам срисовал с манускрипта в Небесной Книге, но двигатель не работал. Была там и осадная башня с движущимися лестницами-платформами, которые сами поднимали солдат кверху. Эту башню Даттам придумал сам.

Больше всего было набросков касательно машины для откачки воды из глубоких штолен. Арравет часто говорил о том, что такая машина ему очень нужна, потому что в стране мало железа сверху и много – внизу. В государственных рудниках воду откачивали с помощью древнего винта, изобретенного еще десять династий назад. Этот винт вращает под землей слепой осел или штрафник, а люди выливают в винт бадейки. Арравет такой винт использовать не мог. Во-первых, это стоило бы слишком дорого, во-вторых, Арравет и так боялся ареста, а если спустить сотню неквалифицированных рабочих под землю, только чтобы они черпали воду – как есть донесут!

За два месяца до экзаменов Даттам принес Арравету модель машины для откачки воды и показал, как та работает.

* * *

Несколько раз Харсома приносил к своему другу разные документы. Требовалось совсем немного – вытравить кислотой имя или цифру, и вписать другую, или состарить бумагу или шелк до подходящего возраста. Даттам с досадой спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.